
С. Я. ГАГЕН

ЦАРСКИЙ СУД ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ НАЕМНИКОВ ПЕТРОВСКОЙ РУСИ И ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ

Неограниченная власть императора, начиная от императоров Византии и заканчивая русскими царями, заключалось не только в праве общего надзора за деятельностью судебных органов, но также в праве самостоятельно вершить правосудие. Чем чаще венценосец это делал, тем больше его хвалили современники. Некоторые дела, например, преступления высшей знати, были подведомственны исключительно царю. В другие дела самодержец мог вмешиваться и выносить решения через реляцию, апелляцию и суппликацию¹.

В этой связи весьма интересно описание судебного разбирательства, проведенного лично царем Петром I, переданное в записи И. Г. Корба, секретаря московского посольства императора Священной Римской империи, в сентябре 1698 г.²

¹ *Lingenthal K. E. Zachariä, von. Geschichte von Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1892. S. 356.* Еще в ранней Византии существовал институт суппликаций (*deesis*), который позволял каждому подданному империи, минуя обычные суды, перенести свое дело прямо на решение императора, и даже был назначен специальный чиновник для обработки подобных прошений. Институт суппликации имеет принципиальное значение для государственного механизма Византии как пережиток республиканских традиций. Например, императора Константина I титуловали «восстановителем свободы» (*restitutor libertatis*), ибо он подтвердил законом право каждого «украшенного достоинством свободы» обращаться по суппликации прямо к императору за защитой своих прав. См.: *Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии : Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV–первая половина VII в. М., 1984. С. 107.* В России в 1767 г. право суппликации обнаруживается в запрете обывателям подавать челобитные прямо императору из-за популярности такой разновидности прямого правосудия: «дабы никто ее императорскому величеству в собственные руки мимо учрежденных на то правительством и определенных особо для того персон челобитен подавать отнюдь не отваживался». Цит. по: *Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 371.*

² Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла Императора Леопольда I, к царю и великому князю московскому, Петру Первому,

Вначале излагаются обстоятельства дела. Речь идет об обыкновенной пьяной драке между иностранцем на русской службе и обычным прохожим: «Один из императорских саперов, по фамилии Урбан, к своему несчастью, довольно подпивши, возвращался к себе домой в Немецкое подворье. Здесь встретил его какой-то буян из Русских и, оскорбив его сначала ругательствами, намеревался было побить. Тот, обиженный таковым бесчестием, притом со стороны столь ничтожного человека, вздумал отразить силу силою и, пользуясь естественным правом обороны от безрассудного обидчика, стал сильно защищаться пистолетом»³.

В приведенном тексте отражен весьма высокий уровень правосознания вельможи Священной Римской империи. Обращает на себя внимание хорошая подготовка в римском праве, включающая и представление о существовании «естественного права», так как И. Г. Корб пишет о «естественном праве» отражать силу силой, т. е. о необходимой обороне, так называется этот институт в современном праве.

Сословное правосознание западного человека проявляется в понятии «бесчестие», которое выражается в том, что человек «ничтожный» поносит лицо более высокопоставленное, хотя оскорбленный так же был простым солдатом.

Итак, согласно западному правосознанию конца XVII столетия, Урбан заслуживает снисхождения, так как пострадала его честь, которую он должен был защищать в силу «естественного права», а кроме того, он был сильно пьян. Правда, И. Г. Корб соглашается с тем, что было превышение права необходимой самообороны, так как против простых ругательств — ведь «буян московский» только собирался побить солдата, но от слов к делу не перешел — сапер «защищался сильно пистолетом». Заметим, что по современному Уголовному кодексу Российской Федерации саперу так же бы грозила уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны.

Уместно здесь припомнить замечание Адама Олеария от 1636 г., который хотя и охарактеризовал русских как народ весьма сварливый «Zancksüchtig Volck», который «лается друг на друга как собаки», но все же заметил: «Никогда не увидишь, чтобы русские вызывали друг друга обменяться сабельными ударами или пулями, как то, пожалуй, обычно происходит в Германии и в других странах. Но скорее же увидишь, как достойные господа, даже князья, отважно охаживают друг друга ударами кнутов, предназначенных для лошадей»⁴.

в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом / пер. с лат. Б. Жевнев, М. Семевский. М., 1867. С. 96–97 (далее: *Корб И. Г. Дневник ...*).

³ *Корб И. Г. Дневник ...* С. 96.

⁴ *Lizkowski U. Adam Olearius' Beschreibung des Moskauer Reiches // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.–17. Jahrhundert / Hrsg. M. Keller. München : Wilhelm Fink, 1985. Bd. 1. S. 254: «Man hat nie gesehen / dass die Russen einander auff Sebel oder Kugel wechseln / wie wol in Teutschland vnd andern Orten zu geschehen pflegt / aussgefordert hätten.*

Комичное изображение князей, которые дерутся как конюхи, конечно же, адресовано западному читателю, чтобы он почувствовал свое превосходство над русскими варварами. Адам Олеарий, один из самых образованных европейцев своего времени, в процитированном месте между строк все же делает весьма тонкий намек на то, что ценность человеческой жизни в России, пожалуй, выше, чем в Европе. Ведь в XVII в., как и ранее, дуэли осуждались католической церковью и европейскими государствами как незаконные убийства.

Особенностью же русского понимания бесчестия в Московском государстве было то, что это понятие использовалось только в среде высшей знати (ср.: так называемое «местничество») и только среди равных по рангу⁵.

В нашем случае москвит-сквернослов получил легкое ранение: «Пуля слегка скользнула поверх головы нападавшего. Рана не представляла никакой опасности для его жизни»⁶.

Урбан, как кажется, быстро протрезвел от испуга: «Однако же, чтобы жалоба пораненного не надела большого шума и, дошедши до Царского Величества, не послужила поводом к делу, Урбан, по любовной с ним сделке, дал ему четыре рубля, с тем, чтобы тот молчал о случившемся, которого сам был главным виновником»⁷.

Заслуживает внимания сам страх Урбана перед тем, что о деле узнает царь, т. е. в противном случае, как можно предположить, ему бы ничего не грозило. Следовательно, преступления иностранцев на военной службе не были подсудны ординарным судам и находились полностью в компетенции царского суда.

Западный дипломат, как видно из текста, считает сапера полностью невиновным. Этот факт говорит о том, что И. Г. Корб, несмотря на юридическое образование, не понимает глубоко юридической материи, в том числе и сущности естественного права, о котором рассуждает выше, так как естественное право признает оборону только адекватную, кроме того, дипломат отрицает принцип равенства перед законом лиц, отличающихся социальным статусом⁸.

Правда, сам Урбан не на шутку испуган, так как сразу же отдает потерпевшему весьма крупную по тем временам сумму. Скорее всего, перепуганный до смерти сапер отдал все деньги, которые у него были, в надежде избежать наказания. С уверенностью можно предполагать, что подобные

Aber man hat wol erfahren/ dass die fürnehmen Herren / ja Knesen oder Fürsten einander mit Knutpeitschen zu Pferde tapfßer herumb gehawen...»

⁵ Dewey H. W. Old Muscovite Concepts of Injured Honor (Beschestie) // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27, nr 4 (Dec.). P. 594–603.

⁶ Корб И. Г. Дневник ... С. 96.

⁷ Там же.

⁸ За это замечание я весьма признателен проф., д-ру юрид. наук А. П. Семитко, который взял на себя труд просмотреть эту статью перед публикацией.

прецеденты уже были и Урбан тотчас понял, что царское правосудие в этом случае ему ничего хорошего не сулит.

К сожалению, мы не можем судить, какими российскими законами регулировалось поведение солдат из других государств, ведь не сохранилось ни соответствующего закона, ни какого-нибудь контракта, который заключали иностранные подданные перед поступлением на русскую службу. Возможно, что правовое регулирование осуществлялось здесь через обычай, в том числе и международный, так как наемников приглашали в разные государства на общих для всех условиях, ведь обычное право точное такое же право как «писаное право» государственных нормативных актов⁹.

Но ужас Урбана перед содеянным и стремление крупной суммой скрыть происшествие говорит о том, что служба иностранцев в петровской России регулировалась правом! Показательно и то, что Урбану не удалось «замять дело», т. е. присмотр за иностранцами был серьезный.

И. Г. Корб продолжает: «Несмотря на то (т. е. на соглашение с потерпевшим и выплату ему крупной суммы. — С. Г.), царю сделан донос об этом происшествии. Урбан был задержан, как виновный в уголовном преступлении, так как *нарушение закона вызывает необходимость публичного возмездия, которое не может быть устранено соглашением частных лиц* (курсив мой. — С. Г.)»¹⁰.

И. Г. Корб вольно цитирует принцип римского права, сформулированный юристом Папинианом и вошедший в «Дигесты» Юстиниана¹¹. И хотя в то время на всю Россию было только два экземпляра Дигест, изданных в XVII столетии, оба находились в Синодальной библиотеке¹², данный принцип римского права в Московском государстве был известен еще с 1497 г.

Непонятно, откуда И. Г. Корб берет этот принцип, либо это его собственная трактовка событий, в этом случае он делает комплимент российскому правопорядку, либо он приводит здесь слова одного из русских судей, разбиравших это дело (возможно, иностранца на русской службе), а может быть, это суждение самого царя Петра! В последнем случае возникает интереснейший вопрос: а читал ли Петр I «Дигесты» Юстиниана? Не изучен также вопрос о знатоках римского права в окружении царя Петра. Я могу указать только на доктора права барона Генриха Гюйссена, который был приставлен воспитателем к царевичу Алексею в 1703 г.¹³

⁹ Замечание проф., д-ра юрид. наук А. П. Семитко. К сожалению, мне не известны исследования об «обычном праве наемников» в то время.

¹⁰ Корб И. Г. Дневник ... С. 96.

¹¹ D. 2.14.38.

¹² Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Цит. по: Darrell P. Hammer. Russia and the Roman Law // American Slavic and East European Review. 1957. Vol. 16, nr 1. P. 5.

¹³ Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра и его сподвижников. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 379.

Возникает вопрос, о каком законе может идти речь, ведь знаменитый петровский «Артикул воинский» (Военно-уголовный кодекс) появится только в 1715 г. и этой нормы не содержит!¹⁴

Далее И. Г. Корб приводит норму, действующую в Московском царстве: «Ибо каждый, кто со злым намерением обнажит против кого-либо меч, или нож, кто бросит копьё, или с каким-либо смертоносным орудием нападет на другого, отвечает перед законом, хотя бы после этого и не последовала смерть»¹⁵. Конечно, остается под вопросом, цитирует ли Корб эту норму из некоего текста или же просто ее пересказывает по памяти. В последнем случае следует принимать во внимание солидное юридическое образование Корба, который может невольно «улучшить» оригинальное творчество московских законодателей.

В процитированном Корбом месте обращает на себя внимание архаичный для рубежа XVII–XVIII вв. перечень вооружения преступника: «обнажит меч или бросит копьё». Кроме того, само слово «закон», если только оно не добавлено Корбом, указывает на византийское право, так как ранние оригинальные русские нормативные акты не назывались словом «закон».

Можно предположить, что данная русская норма возникла на основе византийской «Эклоги» VIII в.: «Поразивший кого-либо мечом, если он убил, подлежит казни мечом. Если же раненный им человек не умер, то ранивший присуждается к отсечению руки, потому что вообще осмелится нанести удар мечом»¹⁶. Смысл нормы заключается в том, что напавший на безоружного обывателя с мечом уже в силу самого факта вооруженного нападения считается виновным в предумышленном убийстве.

Конечно, норма весьма модернизировалась за 1000 лет. Нож, меч, копьё суммируются в термине «смертоносное орудие», т. е. подробный перечень вооружения хотя и оставлен, но дублирован обобщающим понятием. Русский законодатель более серьезно обращает внимание на «умысел» преступника, при этом «злое намерение» приравнивается к нападению, тогда как для византийского законодателя важно уже законченное деяние (потерпевший ранен или убит).

Следует думать, что если бы Урбан просто помахал пистолетом перед носом обидчика, то его «злое намерение» еще пришлось бы доказывать. Но пьяный сапер не только выстрелил в безоружного «буйана», но еще и ранил его, т. е. налицо факт злоумышленного нападения. Однако по норме русского закона Урбан отвечал бы по всей строгости, даже если бы промахнулся.

Другой аспект дела заключается в том, что в данном случае военнo-служащий напал на незащитного обывателя. Кстати, по военно-полевым

¹⁴ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М. : Юрид. лит-ра, 1986. С. 327–365.

¹⁵ Корб И. Г. Дневник ... С. 96.

¹⁶ Эклога : Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М. : Наука, 1965. С. 72.

законам 1863 г. среди преступлений, подлежащих смертной казни, значилось «нападение с оружием на беззащитных жителей»¹⁷. Такое «долготельство» нормы, защищавшей мирное население от пьяных вооруженных солдат, неслучайно.

Показательно и то, что Корб говорит о существовании закона, который Урбан нарушил. Ведь в византийской¹⁸, да и в средневековой русской, судебной практике законы требовались исключительно для того, чтобы обосновать авторитетом древности уже вынесенное судебное решение¹⁹. В качестве источника права закон начинает рассматриваться в Европе только в Новое время. С этой точки зрения правосознание европейца Корба и русского царя Петра тождественны. Они оба мыслят в рамках понятий континентальной семьи права.

Присутствующие на суде иностранцы не оспаривают вину Урбана, так как он все же нарушил закон. Возникшая же в суде дискуссия между императором и соотечественниками Урбана касалась опьянения как смягчающего вину обстоятельства.

И. Г. Корб пишет: «И пьянство, по мнению Московитян, не может извинить преступника. Когда некоторые справедливо замечали, что пьяное состояние, в каком находился виновный, уменьшает его преступление, то Его Царское Величество сказал решительно: “*Sauffen — rauffen* (т. е. напиться — подражаться): это еще извинительно; но *Sauffen — schiessen* (напиться — стреляться): не должно остаться безнаказанным”. Вероятно, он хотел этим сказать, что можно извинять пьяных, которые дерутся между собою руками, а не тех, которые действуют оружием. Из этого я делаю другой еще вывод, что, по мнению Московитян, умеренное пьянство заслуживает извинения, а крайнее надо унимать»²⁰.

Здесь западный дипломат неверно истолковал мысль венценосца. Русский законодатель решал, извинять или не извинять пьянство, руководствуясь не силой опьянения, ибо ее в то время невозможно было измерить, но тяжестью последствий.

Вероятно, не прав и М. Ф. Владимирский-Буданов, считающий, что Петр I рассматривал опьянение как отягчающее вину обстоятельство, тогда как предшествующее право Московского царства считало опьянение признаком непредумышленного деяния²¹. Нормы, касающиеся опьянения, были не так примитивно однозначны для русского законодателя, как полагали И. Г. Корб или М. Ф. Владимирский-Буданов. Вооруженный солдат,

¹⁷ Кистяковский А. Ф. Некоторые черты из истории смертной казни в России // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1879. Кн. 1. С. 243.

¹⁸ О проблеме правосознания в истории см.: Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. М., 2012. С. 6–19.

¹⁹ Simon D. Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt a/M, 1973. S. 23–26.

²⁰ Корб И. Г. Дневник ... С. 97.

²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1907. С. 373.

который напился «до потери памяти», естественно, отягощает свою вину в случае «злоумышленного нападения», так как ношение оружия накладывает на него дополнительные обязательства и ответственность.

Случай Урбана представляет собой коллизию не только между нормами западного и русского права, но также обнаруживает конфликт русского «византийского» и западного сословно-феодалного правосознаний, так как в Европе дворянин мог носить оружие и даже в пьяном виде применять его против простолюдина в случае «оскорбления дворянской чести». А вот для царя Петра не имеет значения, на кого и по какой причине напал пьяный сапер. Преступлением является сам факт нападения вооруженного солдата на безоружного обывателя. В данном конкретном случае царь Петр основывается на принципе равенства всех перед законом, не принимая во внимание право дворянина защищать свою честь.

Царь Петр принял единственно верное решение: «Несчастливого Урбана, по ходатайству Господина Посла, освободили от смертной казни, но приговорили к наказанию кнутом (жестоким род телесного наказания); однако же стараниями Посла Урбан был освобожден и от этого наказания»²².

Данный случай правосудия царя Петра интересно сравнить с его же отказом помиловать свою бывшую любовницу Марию Гамильтон, уличенную в убийстве новорожденного. Петр заявил своей бывшей наложнице: «Без нарушения божественных и государственных законов я не могу спасти тебя от смерти»²³. Получается, что Петр I видел собственную власть подчиненной закону божественному и государственному. К счастью, Урбан никого не убил и тем самым не нарушил «божественный закон».

Итак, и Урбан не пострадал и даже смог продолжить службу, но и русский закон остался неизменным и продолжал действовать. Строгость наказания за вооруженное нападение на безоружного обывателя солдата, даже не исполняющего службу, вполне поддается рациональному объяснению. Ибо солдаты после службы в то время оружие не сдавали и отправлялись с ним домой. Согласно норме русского закона и логике царя Петра, ношение оружия накладывает на человека дополнительную ответственность, и если солдат с оружием идет в кабак, то в этом случае пьянство только отягощает его вину.

Таким образом, на основании сообщения И. Г. Корба можно предположить существование еще не обнаруженного в архивах неизвестного российского «закона о ношении оружия военнослужащими», главная идея которого, а именно повышенная ответственность вооруженного военнослужащего за свое поведение, заимствована, возможно, из византийской «Эклоги».

Не исключено, однако, что подобный закон вообще не существовал в виде официально промульгированного текста, но использовалась не-

²² Корб И. Г. Дневник . . С. 97.

²³ Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра . . . С. 363.

официальная модернизированная трактовка старой византийской нормы, которая могла сообщаться даже устно поступающим на службу иностранцам.

Кроме того, сообщение Корба доказывает существование особого царского суда для преступлений, совершенных иностранными наемниками на русской службе. И. Г. Корб мимоходом сообщает интересные подробности о процедуре царского суда над иностранными военнослужащими.

Во-первых, подсудимый хотя и не мог защищаться сам (как и в большинстве стран Европы того времени), все же мог получить судебную защиту, так как на суде присутствовали соотечественники обвиняемого, которые могли вступать в дискуссию с судьей, т. е. даже с царем, приводить свои аргументы в защиту обвиняемого.

Во-вторых, судопроизводство либо частично велось на языке обвиняемого, либо, что более вероятно, использовалось два языка, ведь даже царь говорил по-немецки!

В-третьих, посол страны происхождения обвиняемого мог либо лично присутствовать на суде, либо обязательно ставился в известность и мог после подавать ходатайства о смягчении наказания, вплоть до помилования осужденного, как и произошло в данном случае. Заметим, что Урбан все же был осужден, хотя и помилован, т. е. он не остался без наказания.

Исследователи европейского права рубежа XVII–XVIII вв. установление и строгое соблюдение должной судебной процедуры в большинстве стран Европы, несмотря на сохраняющиеся элементы насилия и дискриминации, отмечают как несомненный прогресс правосудия, полностью игнорируя при этом похожие изменения в судебном процессе в России²⁴.

В целом, случай с Урбаном говорит о высоком уровне защиты личных прав не только простых обывателей (право на жизнь простолюдина-москвиты защищено даже лучше, чем в тогдашней Европе, где Урбана даже бы не осудили!), но и иностранного военнослужащего на русской службе. Даже И. Г. Корб, получивший для своего времени солидное юридическое образование, удовлетворен исходом этого дела.

Разумеется, речь идет о царском суде! Юридическая же повседневность и в России и в Европе все еще оставалась средневековым кошмаром. Для сравнения заметим, что «Артикул воинский» Петра I, созданный на основании современных ему европейский армейских уставов, содержит 100 видов и подвидов преступлений, наказываемых смертной казнью, т. е. фактически не только исчерпывает все возможные виды преступлений, за которые возможно такое жестокое наказание рационально оправдать, но и добавляет совсем уж дикие обвинения в колдовстве, в «заговорах на оружие» и даже

²⁴ *Weickhardt G. G. Due Process and Equal Justice in the Moscovite Codes // Russian Review. 1992. Vol. 51/4 (Oct.). P. 480.*

«участие в собрания по составлению петиций начальству», хотя бы и случайное, и прочее подобное, за которое виновным также грозила смерть²⁵.

Учитывая юридическое образование Корба, описавшего данный казус, можно поставить и провокационный вопрос: а отставала ли русская юридическая мысль петровского времени от европейской? С одной стороны, «московиты» только в XVII в. обзавелись двумя экземплярами «Дигест» Юстиниана и вряд ли их широко использовали на практике, но, с другой стороны, все важные принципы римского права были перенесены в русское право через переводы более «современных», чем Дигесты, византийских законодательных сборников, например «Эклоги».

В петровской России закон уже признается источником права, т. е. Россия вошла в континентальную правовую семью. В дискуссии о пьянстве как о смягчающем вину обстоятельстве юрист Корб явно уступает русскому законодателю и даже не понимает логики царя Петра, которая ближе к современной. В царском суде петровской России еще отсутствует «сословное правосознание» и действует византийский принцип равенства всех перед законом²⁶. В итоге получается, что передовая русская юридическая мысль в петровское время, благодаря своей солидной основе византийского правосознания, не только не уступает европейской, но даже опережает ее.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена роли императорской власти в решении судебных дел, связанных с нарушением закона иностранными подданными в петровской России. На примере судебного разбирательства, которое было рассмотрено лично императором Петром I, объясняется значение наследия византийского права для использования неограниченной власти государя в новой России конца XVII—начала XVIII в. Статья написана на материалах секретаря Московского посольства императора Священной Римской империи И. Г. Корба, а также на сопоставлении законодательных статей «Эклоги» (византийского памятника права), сохранившихся в изданиях, дошедших до петровского времени.

SUMMARY

This article is devoted to a lawsuit of Urban, the foreign sapper on the Russian employment who had injured slightly with his pistol a one of Russian inhabitants in drunken brawl. The Russian tsar Peter I. examined this case personally. A criminal procedure of tsar's court and tsar Peter's decisions in this case were pictured by John Georg Korb in his diary in the year 1698. On the base of Korb's description one ought to compare a European und Russian legal consciousness and principles of justice. Being considered the law as a source of the justice, Petrine Rus joins with the Continental or Romano-Germanic legal system. In discussing the problem whether alcohol intoxication

²⁵ Кистяковский А. Ф. Некоторые черты ... С. 234.

²⁶ Этот принцип строго прослеживается в Уложении 1648 г. См.: *Weickhardt G. G. Due Process and Equal Justice* ... P. 463–480.

would be a reason to mitigate the guilt, Korb and tsar Peter had different positions revealing different ways of legal thinking. Tsar's court of Moscovite Rus did not recognize an estate legal consciousness of European feudalism and was favour for Byzantine concept that the law should apply equally for all tsar's subjects. In sum, tsar's court in its legal principles borrowed from Byzantine legal consciousness was advanced for its time even in comparison with Western Europe.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А

Византийское правосознание, русское правосознание, Петр I, петровская Русь, реформы Петра I, правосудие петровской Руси, императорский суд.

KEYWORDS

Byzantine Legal Consciousness, Russian's Consciousness, Peter I, Peter's Russia, Peter's reforms, Justice of the Peter's Russia, Imperial's Court.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

- Белокуров С.* О библиотеке Московских Государей в XVI столетии. М., 1898.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1907.
- Гаген С. Я.* Византийское правосознание IV–XV веков. М., 2012.
- Дневник поездки в Московское Государство Игнатия Христофора Гвариента, посла Императора Леопольда I, к Царю и Великому Князю Московскому Петру I в 1698 г., веденный секретарем Посольства Иоанном Георгом Корбом / пер. с лат. Б. Женев, М. Семеvский. М., 1867.
- Елисеева О. И.* Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008.
- Кистяковский А. Ф.* Некоторые черты из истории смертной казни в России // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1879. Кн. 1.
- Курбатов Г. Л.* Политическая теория в ранней Византии : Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV–первая половина VII в. М., 1984.
- Наумов В. П.* Повседневная жизнь Петра и его сподвижников. М., 2010.
- Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986.
- Эклога : Византийский законодательный свод VII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.
- Darrell P. Hammer.* Russia and the Roman Law // American Slavic and East European Review. 1957. Vol. 16, nr 1. P. 5.
- Dewey H. W.* Old Muscovite Concepts of Injured Honor (Beschestie) // Slavic Review. 1968. Vol. 27, nr 4 (Dec.). P. 594–603.
- Lingenthal K. E. Zachariä, von.* Geschichte von Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1892.
- Liszkowski U.* Adam Olearius' Beschreibung des Moskauer Reiches // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.–17. Jarhundert / Hrsg. M. Keller. München : Wilhelm Fink, 1985.
- Simon D.* Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt a/M, 1973.
- Weickhardt G. G.* Due Process and Equal Justice in the Moscovite Codes // Russian Review. 1992. Vol. 51/4 (Oct.).

REFERENCES

- Belokurov S.* O biblioteke Moskovskikh Gosudarej v XVI stoletii. Moskva, 1898.
- Darrell P. Hammer.* Russia and the Roman Law // *American Slavic and East European Review.* 1957. Vol. 16, nr 1. P. 5.
- Dewey H. W.* Old Muscovite Concepts of Injured Honor (Beschestie) // *Slavic Review.* 1968. Vol. 27, nr 4. (Dec.). P. 594–603.
- Dnevnik poezdki v Moskovskoe Gosudarstvo Ignatiya Hristofora Gvarienta, posla Imperatora Leopold'a I, k Czaryu i Velikomu Knyazyu Moskovskomu Petru I v 1698 g., vedennyj sekretarem Posol'stva Ioannom Georgom Korbom / per. s lat. B. Genev, M. Semevskij.* Moskva, 1867.
- E'kloga : Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka / vstup. st., per., comment. E. E. Lipshicz.* Moskva, 1965.
- Eliseeva O. I.* Povsednevnaya zhizn' blagorodnogo sosloviya v zolotoj vek Ekateriny. Moskva, 2008.
- Gagen S. Ya.* Vizantijskoe pravosoznanie IV–XV vv. Moskva, 2012.
- Kistyakovskij A. F.* Nekotorye cherty iz istorii smertnoj kazni v Rossii // *Chteniya v istoricheskom obshhestve Nestora-letopiscza.* Kiev, 1879. Kn. 1.
- Kurbatov G. L.* Politicheskaya teoriya v rannej Vizantii : Ideologiya imperatorskoj vlasti i aristokraticeskaya oppozicziya // *Kul'tura Vizantii. IV–pervaya polovina VII v.* Moskva, 1984.
- Lingenthal K. E. Zachariä, von.* Geschichte von Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1892.
- Liszkowski U.* Adam Olearius' Beschreibung des Moskauer Reiches // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9.–17. Jarhundert / Hrsg. M. Keller.* München : Wilhelm Fink, 1985.
- Naumov V. P.* Povsednevnaya zhizn' Petra i ego spodvizhnikov. Moskva, 2010.
- Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. T. 4 : Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolutizma / otv. red. A. G. Man'kov.* Moskva, 1986.
- Simon D.* Rechtsfindung am byzantinischen Reichsgericht. Frankfurt a/M, 1973.
- Vladimirskij-Budanov M. F.* Obzor istorii russkogo prava. SPb., 1907.
- Weickhardt G. G.* Due Process and Equal Justice in the Moscovite Codes // *Russian Review.* 1992. Vol. 51/4 (Oct.).